

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ
СЛАВЯНСКОЙ
ОНОМАСТИКИ

928934

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

Вхождение в адыгскую антропонимию русских фамилий было связано прежде всего с оседанием в адыгской среде их носителей. Давностью характеризуется установление у кабардинцев, например, таких фамилий, как *Тэшэло* (*Ташилов*) — ср. рус. *Ташилов*; *ТекIуш* (*Текущев*) — ср. рус. *Текучев*; *Семэн* (*Семенов*) — ср. рус. *Семенов* и др. Этноним *рус-ский* давно дал на адыгской почве фамильное имя: каб. *Урыс*, адыг. *Орыс* — *Урусов*, ср. каб. *Урысмэмбэт* (*Уруスマмбетов*). На этом же этнониме основаны личные имена *Урысбий*, *Урыскъан* и другие.

Задействование русских личных имен стало интенсивным в советское время, когда русский язык для адыгов стал вторым родным языком и двуязычие получило широкое развитие. Для этого процесса характерно утверждение многих личных имен в их неофициальной форме и независимо от нее. Формы *Миша*, *Коля*, *Толя*, *Маруся*, *Люда* и т. п. регистрируются в ЗАГСах и сельских Советах, записываются в метрики и паспорта. Иногда ласкательные, уничижительные и прочие русские формы принимаются за нейтральные.

Не всегда, к сожалению, при выборе имени правильно определялось, мужское оно или женское. Нами зарегистрирован курьезный случай, когда девочку назвали *Фетка* (ср. рус. *Федя*, *Федька*), а мальчика — *Машка*⁸. Такие факты говорят о том, что антропонимика все еще в большом долгу перед практическими работниками ЗАГСов и сельских Советов.

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ТОПОНИМИИ ЛИВВИКОВСКОГО АРЕАЛА КАРЕЛЬСКОЙ АССР (ОЛОНЕЦКИЙ РАЙОН)

Н. Н. Мамонтова

В 1971—1976 гг. было осуществлено сплошное топонимическое обследование современного Олонецкого р-на Карельской АССР, основным населением которого издавна являются карелы-ливвики.

⁸ Подробнее см.: *Коков Дж. Н.* Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии. Нальчик, 1973, с. 70—73; 83—98.

Согласно переписи 1970 г., они составляют почти $\frac{2}{3}$ всех жителей района¹. На рубеже XIX и XX столетий 71,4% населения Олонецкого у. считали своим родным языком карельский и лишь 27% — русский язык². Есть все основания полагать, что и в более отдаленном прошлом здесь преобладали карельские поселения.

Интенсивное освоение территории Карелии новгородцами, относящееся к XI—XIII вв., в меньшей степени коснулось рассматриваемого региона, но то обстоятельство, что он уже с IX—XI вв. входил в состав древнерусского государства³, все-таки не могло не оказать влияния на жизнь и быт местного населения, а также на его язык.

Собранный в полевых условиях на территории района и извлеченный из письменных источников топонимический материал позволяет говорить о давно сложившейся системе географических названий, а также о тех изменениях, которые она претерпевала за длительный период своего существования.

Большая часть названий физико-географических объектов и одноименных с ними населенных пунктов этимологизируется средствами карельского языка⁴. Микротопонимия района — почти сплошь карельского происхождения, с редкими русскими вкраплениями: на несколько тысяч карельских названий мест приходится несколько сот русских образований. Это так называемые топонимы-гибриды, т. е. названия, составленные из лексических и грамматических средств русского и карельского языков, например названия полей и покосов: *Brukupelto* (< рус. *брюква* + кар. *peldo* 'поле'), *Gorku*, *Gorkampeldo*

¹ Из 30,4 тыс. населения района карелов насчитывается 20 тыс., русских — 8 тыс., остальные — венцы, финны, украинцы, белорусы, татары и пр. (Васильев А. Олонец. Города и районы Карелии. Петрозаводск, 1976, с. 7).

² Покровская И. П. Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. — Вопросы истории Европейского Севера. Межвузовский научный сборник. Петрозаводск, 1974, с. 102.

³ Очерки истории Карелии, т. 1. Петрозаводск, 1957, с. 40.

⁴ Помимо очевидных карельских и русских названий мест, учеными выявлен ряд саамских по происхождению топонимов, возможен — пока в плане предположения — и вепсский субстрат. (В данной статье мы совершенно не касаемся вопроса происхождения южных карел: ливвиков и людиков. Поселения последних также имеются на территории Олонецкого р-на в современных его границах).

(< рус. *гора, горка* + ...), *Kapustupeldo* (< рус. *капуста* + ...), *Krugloipeldo* (< рус. *круглый* + ...), *Školampeldo* (< рус. *школа* + ...), *Mežanniittü* (< рус. *межа* + кар. *niittü* 'покос, луг, пожня'), *Pogrebaidu* (< рус. *погреб* + кар. *aidu* 'загон; место, огороженное изгородью'), *Pristanninurmī* (< рус. *пристань* + кар. *nurmī* 'луг, пожня').

Более многочисленны в микротопонимии образования от заимствованных русских апеллятивов: *časouni* 'часовня', *dorogu* 'дорога', *mel'l'iččü*, *mel'niččü* 'мельница', *pol'anku* 'поляна', *puustu* 'пустошь', *roššü* 'роща' и т. п. Например: *Mel'l'iččujogi*, *Mel'l'iččoju*, *Mel'l'iččupeldo*, *Mel'l'iččanaidu*, *Mel'l'iččankangas*, *Mel'niččanniittü*, *Mel'niččansuo*.

К этой группе примыкают топонимы и микротопонимы, производные от христианских личных имен, усвоенных и переработанных карелами в соответствии с нормами своего языка после крещения их в 1227 г.: *Hodarimpeldo* (< кар. *Hodari*, рус. *Федор*), *Hokkihiine* (< кар. *Hokki*, рус. *Фока*), *Iboiniittü*, *Iibinalho*, *Iibinpol'anku*, *İvkinjärvi* (< кар. *Iboi*, *Iiboi*, *Iibi*, *Iuki*, рус. *Иван*), *Panšulahti* (< кар. *Panša*, *Panššoi*, *Panšu*, *Panššu*, рус. *Панкратий*), *Pedransuo* (< кар. *Pedri*, *Pedroi*, *Perdu*, рус. *Петр*)⁵ и т. д.

Русская лексика, представленная в названиях мест Олонецкого р-на, заимствована карелами в разные исторические периоды: и в отдаленные времена (ср. названия мест *Bojaršin*, *Obrošnoipeldo*) и совсем недавно, в годы Советской власти (*Komunansuo* — болото за домом, где жили первые коммунары д. Утозеро; *Mel'irativnoisuo* — болото близ д. Тулокса, ставшее одним из первых объектов мелиорации; *Oboron* — место в лесу вблизи д. Обжа, где в годы Великой Отечественной войны проходила линия обороны).

Русские заимствования на топонимическом уровне подвергались тем же закономерностям адаптации, что отмечены для заимствованной лексики прибалтийско-

⁵ Подробнее об этом см.: *Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä*. — *Virittäjä*, 1943, s. 46—78; *Ib. Lisiä venäläisperäisiin henkilönnimiin Itä-Karjalan paikannimistössä*. — *Suomi*, 1947, 104, s. 40; *Ib. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä*. — *Juhlakirja Aulis J. Joen 60-vuotispäiväksi 2.6.1973, Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja* 72, 1973, s. 239—275.

финских языков в целом⁶, т. е. русские лексемы приняли карельское оформление: произошел сдвиг ударения на первый слог, изменился их фонетический облик, они вошли в парадигму склонения имен в карельском языке.

Но этим не ограничивалась роль русского языка в формировании топонимии Олонецкого р-на. С самого начала знакомства русских людей с этой территорией (как и Карелией в целом) им пришлось усваивать и пополнять местную географическую номенклатуру, что нашло свое отражение в целом ряде письменных источников. Так, например, Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. содержат довольно богатый топонимический материал. И все-таки топонимия описываемого региона представлена в них, на наш взгляд, беднее в сравнении, например, с топонимией Заонежского п-ва КАССР. Можно предположить, что многие географические названия Заонежья — прибалтийско-финского происхождения — ко времени создания Писцовых книг полностью адаптировались в устах употреблявшего их русского (или обруссевшего) населения, иными словами, они приспособились к нормам русского языка настолько, что запись их уже не представляла особых трудностей.

Большинство же топонимов Олонецкого края, оригинальных, не подвергшихся к тому времени адаптации со стороны русского языка, сильно затрудняли новгородских писцов при передаче их средствами русской графики. Эту же мысль о трудности передачи местных названий на русский язык высказал, основываясь на топонимии Заонежских погостов, исследователь их древних поселений М. В. Витов: «В местах расселения карелов трудные местные названия могли и не заноситься в книги»⁷.

Тем не менее Писцовые книги дают примеры по-разному адаптированных русским языком местных названий. В частности, уже тогда были широко распространены

⁶ О языковых контактах прибалтийско-финских и русского языков написан ряд исследований, авторами которых являются М. П. Веске, А. Л. Погодин, Н. Ф. Лесков, Я. Калима, Й. Миккола и др. Отражения этих контактов на топонимическом уровне рассматривались, в частности, в статьях В. Ниссиля и А. К. Матвеева.

⁷ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XV—XVII вв. М., 1962, с. 68.

названия-полупереводы, иначе, названия, в которых переведены наиболее часто повторяющиеся детерминанты — местные географические термины, при сохранении начальной иноязычной основы. Например, названия озер: *Ваг-озеро*, *Канза-озеро*, *Котк-озеро*, *Мач-озеро*, *Тораш-озеро*, *Ут-озеро*. Ср. современные названия-полупереводы: *Гижегоро*, *Кукшегора*, *Лумбозеро*, *Саргоручей*, *Саригора*, *Сарипорог*, *Степаннаволок* и др.

Часть русских (официальных) названий Олонецкого р-на является собой полные переводы-кальки местных карельских топонимов: *Березовая Гора* — Koivahammägi, *Большие Горы* — Suurimägi, *Большой Лисий Берег* — Suurireboirandu, *Верхний Конец* — Ülägju, *Верховье* — Üllöine, *Дедовы острова* — Ukonsaaret, *Железная Гора* — Raudumägi, *Заостровье* — Suarentagavoine, *Карпина Гора* — Kuarpattägi, *Малый Лисий Берег* — Pienireboirandu, *Рябиновый наволок* — Pihlääniemi, *Сорочья Гора* — Harakkumägi, *Топорное Озеро* — Kirvesjärvi.

Примеры переводов встречаются уже в писцовых книгах: «дер. на Долгом ручью, а ныне словет на Туксе на Питкое» (< кар. pitkä 'долгий, длинный' + оja 'ручей'), «дер. на Олонце реке на низу словет на песку»⁸ (ср. ее карельское название Liete < кар. liete 'песок').

Несколько меньшую группу составляют названия собственно русского происхождения, возникавшие независимо от местных и употреблявшиеся только в официальной сфере общения: *Афанасьевка Гора* — Ногошои, *Березовый Наволок* — Lökinselgü, *Каменный Ручей* — Hattu, *Новая Заживка* — Lemijärvi, *Речная Сельга* — Vašoi (Valgei Vašoi), *Черная Речка* — Määentaguizet и т. п. В целом же русские (официальные) названия поселений, которые сложились в основном к XVII в., составляют теперь около 30% (не считая полупереводов).

Остальные местные названия усваивались русскими с той или иной степенью трансформации. Так, довольно точно были транслитерированы названия порогов Vilukaivo — *Вилукайво*, Pitkkoski — *Питккоски*, оз. Kaidulambi — *Кайдуламби*, бол. Viransuo — *Вирансую*, ручья Ravduoja — *Равдуоя*, о-ва Salo — *Сало* и ряда других объектов. Большинство же местных названий под-

⁸ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930, с. 57, 62.

верглись» адаптации (фонетической, морфологической, семантической), имеющей много общего с усвоением прибалтийско-финской лексики в северорусских народных говорах⁹.

В настоящее время усиливается роль русского языка как средства общения между представителями разных национальностей, проживающих на территории района. Среди карел наблюдается повсеместно явление билингвизма, что приводит к постепенному ослаблению коммуникативной функции карельского бесписьменного языка, ограниченного семейно-бытовыми рамками употребления.

В связи с экстраконфессиональными факторами происходят серьезные изменения и в топонимической системе. Многие из прежних названий, в особенности микротопонимы, выходят из активного употребления и постепенно забываются даже в среде карел. Некоторые из местных названий продолжают заменяться русскими. Так, оз. Rühäjärvi некоторые жители называют теперь *Голубым озером*, а расположенные справа и слева от дороги Олонец—Тигверы два небольших озерка Salmi и Ägrijärvı именуются соответственно *Правое* и *Левое озеро*. Непонятные названия переосмысливаются: Pil'noikoski — *Пыльный порог*, Šallunkoski — *Шалунпорог*. Лесоучастки разделены теперь на кварталы, которым присваиваются номера (*Первый квартал*, *Второй квартал*). Вместо прежних многочисленных клочков обрабатываемой земли, разбросанных в радиусе 10 км от поселения, появились обширные колхозные, а затем совхозные поля, которые нередко различаются с помощью порядковых числительных. Например, Т. А. Чомина (1906 г. рожд.) из д. Каменный Ручей рассказывает: //Ongo Pervoipol'e da Ftoroipol'e /Nügöi on uvvet nimet/Enne tämä kirruimmo Korgeipol'anku/a tämä — Куорпампельдо// В переводе: «Есть Первое поле и Второе поле. Теперь новые названия. Раньше это называли Korgeipol'anku 'высокая полянка', а это — Куарпампельдо 'Карпово поле'».

Фактами русской речи следует считать многочисленные образования от иноязычных основ при помощи русских словообразовательных средств и моделей: названия рек —

⁹ См. работы Н. Ф. Лескова, Я. Калимы, Д. Н. Шмелева, А. К. Матвеева и ряда карельских исследователей: И. В. Сало, Т. Г. Доли, В. С. Сухановой, Е. Ф. Теплова и др.

Гушкалка, Тигверка, болот — Кукшегорское болото, Сармяжское болото; Торосозерские пороги, наряду с чисто русскими образованиями: Верховская бригада, Егоровская бригада, Центральная ферма и т. п. Эти русские официальные названия, в свою очередь, активно усваиваются карельским населением и употребляются параллельно со своими местными неофициальными. Так, карелы часто говорят Gižezeras вм. Hiižares, Sarigora, вм. Suařmäes, Olonku вм. Suuri jogi, Olontsa вм. Anukses, Guškalku вм. Huškalanjogi.

Таким образом, как свидетельствует современное состояние топонимической системы Олонецкого р-на КАССР, карело-русское взаимовлияние является весьма длительным и разнообразным, но со все более возрастающей ролью русского языка в ее формировании.

РУССКИЕ ИМЕНА В БУРЯТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

А. Г. Митрошкина

Современная система личных имен бурят отражает сложное переплетение таких экстраполингвистических факторов, как смена религии, общение аборигенов с русскими переселенцами, изменения в экономике и культуре и взаимодействие языков. Естественно, сохраняются следы контактов далеких предков бурят с другими народами Сибири и Азии.

В данной статье делается попытка описать пути проникновения русских личных имен в именник западных бурят, а также характер адаптации и функционирования их в бурятском языке. Материалом исследования послужили архивные документы, а также родословные таблицы бурят Иркутской обл., собранные членами студенческого ономастического кружка бурятского отделения Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова в ежегодных экспедициях в районы расселения бурят.

Со второй половины XVII столетия единый именник бурят, складывавшийся веками в недрах истории монголь-